

Сяо Чжочин попытался дотянуться до раненой руки Фэн Юаньси.

В тот день рану Фэн Юаньси перевязывал императорский лекарь, и Сяо Чжочин не видел её своими глазами – он не знал, началось ли там загноение.

Но на сей раз Фэн Юаньси вёл себя далеко не так сговорчиво.

Пострадавшая рука оказалась у самой внутренней стороны ложа, и Сяо Чжочин никак не мог вытянуть её из-под одеяла. Он попытался протянуть руку, но тяжелое парчовое одеяло было намертво прижато телом Фэн Юаньси, наглухо запечатав конечность внутри.

Не имея иного выхода, Сяо Чжочин был вынужден податься вперёд.

До этого он полустоял на коленях перед ложем, теперь же его тело почти легло на постель, а рукава заскользили по покрывалу.

Он протянул руку и попытался потянуть за край.

Ни малейшего движения.

Тяжелый угол одеяла был прижат намертво, к тому же Сяо Чжочин находился в крайне неудобном положении и при всём желании не мог приложить усилие.

Рана Фэн Юаньси ещё не зажила, и Сяо Чжочин боялся, что из-за резких движений швы разойдутся. Не смея действовать опрометчиво, он протянул обе руки, склонился ещё ниже, намереваясь сперва приподнять руку Фэн Юаньси.

Будучи предельно осторожным и сосредоточенным, он даже не заметил, что теперь почти полностью навис над Фэн Юаньси. Со стороны это выглядело так, будто он склонился в объятиях над лежащим на постели человеком.

– Рука Вашего Величества не гноится.

Внезапный голос за спиной заставил Сяо Чжоцина вздрогнуть.

Он обернулся: тот самый евнух по имени Вэй Цюань неизвестно когда подошёл и теперь стоял прямо за его спиной.

Совсем близко. Его длинная тень почти целиком накрыла Сяо Чжоцина, стоявшего на коленях перед ложем, и даже приподняв голову, было трудно разглядеть его взгляд.

Голос Вэй Цюаня был страшно охрипшим.

Сяо Чжоцин спросил его:

– Откуда тебе знать?

Вэй Цюань ответил:

– Прошлой ночью этот раб лично сменял повязрения Вашему Величеству.

Взгляд Сяо Чжоцина скользнул по его лицу.

Молодой евнух с опущенными dolu глазами хранил каменное выражение лица. Он казался донельзя молчаливым, почти бессловесным и угрюмым.

Этот человек был до того примечателен, что Сяо Чжоцин прежде никогда его не видел.

В глубинах дворцовых стен таким людям обычно не были рады. Но Сяо Чжоцин понимал и другое: у подобного человека не было ни малейшей причины лгать в столь серьёзном деле, ни тем более отваги обманывать министра.

Поверив ему на слово, Сяо Чжоцин выпрямился и отдал чёткое распоряжение:

– Принеси теплой воды и полотенце.

Вэй Цюань помедлил мгновение, развернулся и удалился.

Лекарь ещё не прибыл, и раз уж у Сяо Чжоцина не было при себе лекарств, ему оставалось лишь сбить жар у Фэн Юаньси своими силами.

Он велел слугам распахнуть окна и отдернуть полог кровати, дабы проветрить помещение, рассеять застоявшийся болезнетворный воздух и лишь после этого приступить к охлаждению тела Фэн Юаньси.

Яркие солнечные лучи залили пространство перед ложем, и мягкий ветерок, ворвавшийся в покои, наконец разогнал мрачный и ледяной дух, словно весна вновь вернулась на эту землю.

Вэй Цюань вернулся к ложу дракона, неся в руках медный таз и полотенце.

Сяо Чжоцин привычным движением смочил полотенце в теплой воде, отжал его и аккуратно отер щеки Фэн Юаньси.

- Позвольте этому рабу, - вновь подал голос Вэй Цюань.

Сяо Чжоцин с некоторым удивлением бросил на него взгляд через плечо.

Подобные евнухи во дворе Изогнутой Террасы были большой редкостью - прочие предпочитали принять наказание палками, лишь бы держаться от Фэн Юаньси как можно дальше. Этот же, напротив, проявил невиданное усердие, сам вызываясь на тяжелую работу.

- Не нужно.

Сяо Чжоцин продолжал протирать лицо императора и попутно сделал юноше пару замечаний:

- Твоё имя Вэй Цюань? Какой у тебя нынче ранг и чем ты занимаешься во дворе Изогнутой Террасы?

Если этот человек действительно окажется способен к службе, пожалуй, стоило бы его

повысить.

Однако он не заметил, что стоявший за его спиной Вэй Цюань даже не пытался отвечать – его взгляд был прикован исключительно к чужим рукам.

Движения Сяо Чжюина были легкими, почти нежными. Его длинные, подобные нефриту пальцы сжимали белоснежную ткань, и, когда он тщательно отирал лицо больного, он даже с трепетом проверял тыльной стороной ладони температуру.

Согнутые суставы пальцев касались щеки правителя, замирая на мгновение и вновь отступая – точно стрекозы, кружащие над прудом, что лишь слегка касаются крыльями воды, чтобы тут же взмыться.

Не дождавшись ответа и спустя долгое время, Сяо Чжюин обернулся и увидел, что евнух, судя по всему, попросту витает в облаках.

...И впрямь простофиля, неудивительно, что во дворе Изогнутой Террасы он безропотно пашет за двоих.

– Твоё имя я запомнил, – не стал настаивать Сяо Чжюин, продолжая сбивать жар у Фэн Юаньси. – Если к полудню жар не спадет, повторишь процедуру снова. Услышал?

– ...Слушаюсь.

Вэй Цюань подчинился, но Сяо Чжюин уже не обращал внимания на его ответ.

– Ваше Величество, берегите руку.

Даже при том, что император находился без сознания, Сяо Чжюин не посмел пренебречь правилами приличия. Он почтительно опустился на колени перед ложем и, прежде чем бережно взять в свои руки больную руку Фэн Юаньси, не забыл произнести это предупреждение.

Кадык Вэй Цюаня судорожно дернулся вверх-вниз.

Обращаясь к человеку на ложе, Сяо Чжоцин говорил совсем иначе, нежели с ним.

Его голос звучал необычайно мягко, словно он боялся кого-то потревожить. Полотенце заботливо прошло по всем пяти пальцам императора, и в этом движении сквозило что-то до боли интимное, похожее на переплетение рук любящих сердец.

Пальцы Вэй Цюаня, опущенные вдоль бедер, тоже невольно шевельнулись, будто в ответ на это зрелище.

Наконец прибыл лекарь, успевший к тому моменту, как лицо, шея и одна рука Фэн Юаньси были тщательно обтерты.

Последовал привычный ритуал диагностики пульса, за которым последовало составление рецепта и варка отвара. Сяо Чжоцин слегка разбирался в медицине, и его собственные выводы относительно столь несложного недуга ничуть не расходились с мнением лекаря: холод проник в тело, вызвав сильнейший жар, а рецепт состоял из классического отвара махуан шигао.

Пока снадобье готовилось, лекарь удалился. Стрелка солнечных часов неумолимо приближалась к полудню, а это означало, что Сяо Чжоцину пора покидать дворец.

Будучи главным лектором императорских чтений, он, несмотря на ежедневные визиты во дворец, не имел возможности неотлучно находиться здесь.

В покоях царила абсолютная тишина.

Сяо Чжоцин стоял у изголовья кровати, обведя холодным взглядом заполнивших залу слуг.

– Его Величество только что подвергся покушению злоумышленников. Князь Лян в гневе лично приказал усилить стражу во всех углах дворца, дабы любой ценой обеспечить абсолютную безопасность Вашего Величества.

Он говорил неторопливо и веско:

- Требуется ли мне докладывать о сегодняшних событиях князю Ляну как есть?

Неудивительно, что все дворцовые слуги единым порывом рухнули на колени.

- Молим господина Сяо о милосердии!

Высокая температура императора – дело, которое могло обернуться как угодно.

Но чего стоили жизни этих рабов? Стоило князю Ляну прознать о случившемся, как лишить их голов и набрать новую прислугу стало бы делом одной фразы – проще, чем сменить засохшую траву во дворе Изогнутой Террасы.

- Если Ваше Величество пойдет на поправку в кратчайшие сроки, мне, разумеется, не за чем чинить кому-либо препятствия, – холодно произнес Сяо Чжочин. – Но если после моего ухода вновь произойдут какие-либо перемены, угрожающие драгоценному здоровью, этот подданный не сможет вымолить для вас прощения и уж тем более защитить каждого из вас.

- Рабы поняли! Клянемся служить со всем усердием и не сметь проявлять халатность!

Присутствующие наперебой принялись заверять в своей преданности.

Сяо Чжочин поднял глаза:

- Евнух Ло, дальнейшее попечение поручаю вам. Если они вновь проявят нерадивость, спрос сперва будет с вас, а уж после я доложу князю.

Зная, что у Ло Хэюя нет должного авторитета, Сяо Чжочин счел необходимым прибегнуть к чужому авторитету, передавая ему подобие императорского меча, дабы тот мог держать остальных в повиновении.

- Слушаюсь! Этот раб повинуется приказу! – мутные старые глаза Ло Хэюя наполнились слезами благодарности.

Уходя из дворца, Сяо Чжочин мимоходом поравнялся с Вэй Цюанем.

Он остановился и на глазах у изумленной толпы повернул голову к юноше.

- Ты проявил себя неплохо, - бросил он небрежную похвалу.

Вэй Цюань опустил голову, выглядя так, будто с чистым сердцем принимает эту похвалу.

В спальнях покоев вновь воцарилась тишина.

Фэн Юаньси строго-настрого запрещал посторонним переступать порог его личных покоев, и никто не смел нарушить этот приказ. Однако обстоятельства сегодняшнего дня были исключительными, и Ло Хэюй придумал выход, оставив Вэй Цюаня нести стражу внутри.

- Остальные обитатели двора Изогнутой Террасы пусть занимаются своими делами, а ты каждые полчаса выходи с докладом, - наставлял Ло Хэюй. - Как только Ваше Величество очнется - немедленно докладывай.

Вэй Цюань дал согласие.

Створки дверей закрылись, и в огромных, пустых покоях остался лишь один Вэй Цюань.

В тот самый миг, когда двери сошлись, лежавший на постели «Фэн Юаньси» мгновенно ожил, молниеносно соскочил с ложа и опустился на колени перед подножием кровати.

- Подданный потерял бдительность! Прошу хозяина покарать меня!

Раздался голос молодого евнуха. Тот самый «император», что секунду назад тяжело и беспамятно метался в лихорадке, теперь был облачен лишь в ночное белье, а его лоб плотно упирался в холодный золотой кирпич пола.

А прямо перед ним «слуга» в парадных одеждах евнуха держал в одной руке пиалу с лекарством.

- Поднимайся.

Хриплый голос исчез бесследно.

Он небрежно взмахнул рукой и с легкостью содрал с лица искусственную маску.

Тончайшая накладка, схожая с человеческой кожей, отошла по краям, являя истинный лик.

Это был Фэн Юаньси.

Он прошел к окну, уселся на стуле, открыл тайник у подлокотника, спрятал туда маску, после чего водрузил пиалу с отваром на столик.

- Пей.

- Слушаюсь.

Стоявший на коленях Вэй Цюань тут же поднялся и торопливо сорвал с собственного лица человеческую маску из кожи.

Сегодня господину предстояло допрашивать особого преступника, а потому требовалось подменить его лицом. Из восемнадцати смертников он был ближе всех по возрасту и телосложению к повелителю. Однако, дабы избежать малейших подозрений, минувшей ночью он полдня просидел в ледяной воде – исключительно ради того, чтобы правдоподобно симитировать жар у императора и избавить себя от необходимости открывать глаза, смотреть на кого-либо или подавать голос.

И всё же... лектор императора оказался донельзя проницателен. Он ведь собирался проверить рану на руке самого повелителя!

К счастью, господин вернулся вовремя, иначе в самый критический момент секрет мог раскрыться.

- Дай сюда.

Вэй Цюань уже собирался убрать маску, когда сидевший у окна Фэн Юаньси протянул к нему

руку.

Не понимая причины, Вэй Цюань молча протянул маску обеими руками.

Фэн Юаньси не произнес ни слова: одной рукой он принял личину, а другой легонько постучал по краю стола.

Вэй Цюань тотчас взял пиалу с лекарством и осушил её до дна.

Окно было распахнуто, и сквозь качающиеся тени ветвей пестрые солнечные блики падали прямо на маску в руке Фэн Юаньси.

Только что Сяо Чжочин держал в руках полотенце, тщательно отирая эту самую искусственную кожу, и водил по ней костяшками пальцев – уж больно это напоминало не просто проверку температуры, а ласку.

Каково это – ласкать неодушевленный предмет? О чем он в этот момент думал?

Вэй Цюань допил отвар, опустил пиалу и уже хотел было заговорить, как застыл на месте от столь странного зрелища.

Его повелитель, чьё лицо обычно источало леденящую и зловещую красоту, держал в руках точно такую же холодную и призрачно-прекрасную человеческую маску. Два абсолютно идентичных лица смотрели друг на друга: одно было безглазым, в то время как на другом черные, пронзительно-холодные глаза смотрели вниз, словно в зеркало, изучая предмет в собственной руке.

Он смотрел на неё долго и неподвижно, а его пальцы оглаживали щеку маски, словно в попытке воссоздать черты или нежно погладить кожу.

Яркое солнце освещало его фигуру, но тепло казалось чуждым этому человеку.

В колыхании древесных теней и мерцании света уголки губ повелителя странным образом дрогнули, смягчившись на мгновение так, будто он смотрел на любимого человека.

Вэй Цюань: – ...

Неужели допрос Ши Сюцзе так сильно потряс повелителя?

Вряд ли... В тот день вместе со Ши Сюцзе во дворец вошли люди из Фэнду. Вэй Цюань отвечал за прикрытие, и в самый последний момент они с тайным агентом живьем захватили Ши Сюцзе, облачили его в одежды евнуха и позволили агенту вывезти его под шумок из дворца.

Уходя, тот агент еще радовался, говоря, что эта персона крайне важна и непременно послужит на благо господину.

Судя по нынешнему положению... неужели что-то пошло не так?

В этот самый момент Фэн Юаньси поднял глаза.

Вэй Цюань стоял прямо перед ним: хотя на нем всё еще были ночные одежды повелителя, маска была снята, и теперь перед императором стоял совершенно другой человек.

Взгляд Фэн Юаньси скользнул по его лицу и опустился ниже.

Руки Вэй Цюаня безвольно опускались вдоль бедер, а полотенце, коснувшееся его кожи, было оставлено Сяо Чжоцином и до сих пор лежало в медном тазу.

Фэн Юаньси отвел взгляд и бесстрастно произнес:

– Иди вымой руки.

– Слушаюсь... А?

За почти двадцать лет суровых тренировок в рядах тайных стражей Вэй Цюань впервые позволил себе издать столь озадаченный звук в адрес собственного господина.

Он что, расслышал?

Но Фэн Юаньси с тем же спокойствием повторил приказ:

- Иди вымой руки, - бросил он. - И голову с шеей тоже. Тщательно вымойся.

Вэй Цюань рефлекторно коснулся своей шеи.

- ...Слушаюсь.

Разве... на его лице было что-то грязное?

<http://bllate.org/book/18810/1865693>